

СОДЕРЖАНИЕ

ОТ АВТОРА	8
ВВЕДЕНИЕ	12
ОСОБЫЙ РОД, ОСОБАЯ СЕМЬЯ	18
Особый род, особая семья. ВАВИЛОВ	36
Особый род, особая семья. НАБОКОВ	46
СИЛЬНАЯ МАТЬ	58
Сильная мать. МЕНДЕЛЕЕВ	74
Сильная мать. СЕРОВ	88
СВОБОДНОЕ РАЗВИТИЕ В КРУГУ СЕМЬИ	102
Свободное развитие в кругу семьи. ЛЕРМОНТОВ	126
Свободное развитие в кругу семьи. САХАРОВ	138
ОГРАНИЧЕННОЕ ВЛИЯНИЕ СВЕРСТНИКОВ	150
Ограниченное влияние сверстников. МЕЧНИКОВ	162
Ограниченное влияние сверстников. КОРОЛЕВ	172
НАСТАВНИК	184
Наставник. БУНИН	202
Наставник. РАХМАНИНОВ	214

НЕПРИЯТИЕ ШКОЛЫ	228
Неприятие школы. ДОСТОЕВСКИЙ	245
Неприятие школы. МАНДЕЛЬШТАМ	256
РАННЯЯ ВСТРЕЧА С ПРИЗВАНИЕМ	270
Ранняя встреча с призванием. СТАНИСЛАВСКИЙ	285
Ранняя встреча с призванием. КОЛМОГОРОВ	297
ОБИДА	308
Обида. ПУШКИН	328
Обида. ЦИОЛКОВСКИЙ	341
ЗАМЫСЕЛ, А НЕ ПРОФЕССИЯ	350
Замысел, а не профессия. ГОГОЛЬ	361
Замысел, а не профессия. КАНДИНСКИЙ	372
ДОЛГОЕ РАЗВИТИЕ	382
Долгое развитие. ТОЛСТОЙ	397
Долгое развитие. ЧАЙКОВСКИЙ	410
БУНТ	422
Бунт. БЕРДЯЕВ	433
Бунт. ЧЕХОВ	444
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	458
БИБЛИОГРАФИЯ	462

От автора

«Русские не придают детству большого значения».
Иосиф Бродский

Многие годы я ловила себя на желании с жадностью отыскивать в биографиях великих все, относящееся к их детским годам. Как только гений достигал точки, в которой его будущий путь начинал казаться неотвратимым, мой интерес к жизнеописанию падал. С Шостаковичем я не могла согласиться: «Самая неинтересная часть биографии композитора – его детство. Все эти прелюдии одинаковы, а читатель стремится к фугам». Меня завораживают прелюдии.

Я не знаю, многие ли разделяют мое любопытство по отношению к детству гениев. И не больше ли тех, кто наскоро пролистывает страницы, где у Никоши Гоголя-Яновского липкие руки от пряников, которые он рассовывает по карманам и жует на уроках, а толстый Левка-пузырь старательно копирует братьев. Где Илья Мечников все время остается в дурачках, играя в карты, Коля Бердяев едет на ослике за грибами, а Костя Алексеев картавит и приводит педагогов в отчаяние своей ужасной памятью.

Вообще меня притягивает описание детства любого человека, который уже закончил свой жизненный путь или прошел большую его часть.

Есть что-то магическое в этих осколках чужой жизни, которые еще как минимум десяток лет будут оставаться пестрыми, разрозненными и совершенно не укладывающимися в мозаику частицами. А между тем у тебя перед глазами уже вся картина и ты так ясно видишь, какое место в этой жизни займут те или иные фрагменты детства.

Мне всегда казалось, что у гениев эти фрагменты часто совпадают, что при всех различиях в условиях взросления некоторые темы в их прелюдиях очень настойчиво воспроизводятся снова и снова. Так, невозможно было не заметить обилие неординарных людей в их окружении. От матерей и отцов до наставников, с которыми им как-то слишком везло, чтобы считать это случайностью. Было много общего в их манере играть: со страстью, азартом, выстраивая в игре целый мир. В их многолетних увлечениях, в ограниченности общения с ровесниками, в неприятии, часто воинственном, школы. Пересекались эпизоды встречи с будущим призванием, ранние и яркие. Захватывали моменты зарождения идей, которые определяли в дальнейшем их творчество. А самый большой восторг вызывала их неприметность, их свойство уступать, проигрывать братьям и сестрам, друзьям, одноклассникам. Теряться в толпе сплошь более ярких и многообещающих ровесников.

Я думала, что о ранних годах гениев уже есть книга, что мне просто не попался на глаза чей-то увлекательнейший экскурс в их детство. Книга не находилась. Зато мне встречались все новые свидетельства, оставленные самими гениями, их родными, наставниками, друзьями. Разрозненный, пестрый, по большей части предельно субъективный и все же фантастически увлекательный материал о детстве великих! Однажды я поняла, что никто не пытался собрать его воедино, удивиться обилию совпадений в нем и удивить им других. Конечно, есть «Генетика гениальности» Владимира Эфроимсона. Но это работа ученого, эпизоды из детства гениев в ней вторичны. Выдающийся генетик создал теорию становления и реализации гения. Но меня влекла практика, подробности, мельчайшие детали превращения нескладных Левок и Никош в титанов. И это был совершенно бескорыстный интерес.

А параллельно я растила своих детей. Однажды, сидя на детской площадке и слушая разговор молодых мам, я поняла, что что-то изменилось по сравнению с тем временем, когда я росла сама. Тогда мамы, а чаще бабушки, выведя своих чад на прогулку, говорили о чем угодно, только не о детях. Теперь не говорили ни о чем, кроме детей. Главной темой стало их развитие: кружки, секции, подготовка к школе, правильные игрушки, книжки и учебные пособия. Потенциал ребенка и попытки использовать его по максимуму начали превращаться в идею фикс родителей. С появлением второго, а потом третьего ребенка это ощущение у меня только усиливалось: жизнь и развитие детей поглощает взрослых сильнее, чем их собственная жизнь. Я думаю, что сегодня формула Бродского о неважности детства для русских окончательно утратила свою актуальность.

Но при этом мне все время казалось, что и я, и родители на детской площадке, и школьные учителя ищем пути максимальной реализации детей где-то не там. Не там, где частью осознанно, а еще большей частью интуитивно находили их родители гениев. Разумеется, мы не растим гениев. А даже если растим, то едва ли догадываемся об этом. Но не подойдут ли любому ребенку те идеи, секреты, хитрости воспитания, что позволили реализоваться великим? Не являются ли опыты взращивания гениев опытами исчерпывающего использования потенциала любого ребенка?

Это очень личная книга. Я не психолог, не педагог, и даже мой журналистский опыт не имеет большого значения. За этой книгой – мое многолетнее любопытство к детству гениев. И мой прагматический интерес к этой теме как родителя. Уже дописывая «Русские опыты воспитания гениев», я поняла, что эти двое, любопытный и прагматик, борются между собой в каждой главе. Вот я примеряю найденные закономерности на своих и всех известных мне детей. А вот, замороженная каким-то одним ослепительным эпизодом из детства гения, забываю обо всем и просто наслаждаюсь причудой судьбы, готовящей ничем пока не выделяющемуся в толпе сверстников мальчишке головокружительный взлет.

Я начала думать, не стоило ли сосредоточиться на чем-то одном, сделать эти опыты более прикладными и универсальными. Или, напротив, отказаться от наложения опытов воспитания личностей выдающихся на воспитание в целом. Потом поняла, что для меня самой это чуть ли не самое ценное в этой книге – возможность удовлетворять свое любопытство и одновременно расширять и углублять свои родительские компетенции. Надеюсь, это будет ценным и для читателей, которые сами решат, насколько применимы опыты воспитания гениев к их взаимоотношениям с детьми.

В любом случае это не практическое пособие. Универсальных правил взращивания талантов не существует, как, впрочем, и универсальных методов воспитания. Сплетение моментов, обстоятельств и перипетий нежного возраста, способствующих появлению гения, образует ткань тонкую и изменчивую. Она привлекает явной повторяемостью узоров и в то же время уникальностью каждого отдельного рисунка – детства того или иного гения. Все это не имеет никакого отношения к родительским амбициозным проектам относительно своих детей. Ткань эта не натягивается на подрамник и не превращается в карту с точным маршрутом или планом военных действий. Но я надеюсь, что она может вдохновлять. Нынешних и будущих родителей, бабушек и дедушек, учителей и воспитателей. Всех, для кого воспитание – творческий, изменчивый, вдохновляющий и бесконечно интересный процесс. А еще тех, кто равнодушен к неразрешимым загадкам жизни. Вроде той, что так и не будет до конца раскрыта в этой книге: откуда берутся гении. Мне почему-то кажется, что это одни и те же люди.

Введение

Как устроена эта книга?

В «Русских опытах воспитания гениев» 11 глав, каждая из которых отражает ту или иную обнаруженную мною закономерность — характерную черту детства реализовавшихся гениев. Все они проиллюстрированы многочисленными примерами. И за каждой следуют две истории гениев, в чьих судьбах эта особенность сыграла особенно мощную роль. Главы расположены не в случайном порядке. Первые четыре отражают влияние на потенциального гения его семьи. Это особый род, особая семья; сильная мать; свободное развитие в кругу семьи; ограниченное влияние сверстников. Следующие две, наставник и неприятие школы, раскрывают важные закономерности взаимоотношений одаренного ребенка, которому суждено проявить свой дар, с социумом. Последние же пять глав в большей степени связаны с пробуждением индивидуальности самого потенциального гения: ранняя встреча с призванием; обида; замысел, а не профессия; долгое развитие, бунт. Можно рассматривать эти части как три неперенных этапа становления гениальности. Однако все части и главы переплетены между собой. И я заранее радуюсь за внимательного читателя, который в главе, скажем, про наставников обнаружит новые доказательства важности особых корней для реализации одаренного ребенка.

Кто герои «Русских опытов воспитания гениев»?

Ответ, который напрашивается: русские гении. Однако он не удовлетворяет полностью меня, и едва ли удовлетворит дотошного читателя. Даже среди основных персонажей есть те, кого далеко не каждый готов однозначно признать гением. Не говоря уж о второстепенных героях этой книги. Однако очевидно, что все персоналии – люди выдающиеся, чей потенциал был блестяще реализован и кто оказал заметное влияние если не на все человечество, то на значительные сферы культуры и группы людей. Я намеренно не пыталась найти точное определение для гения и исходить из него, подбирая героев книги. Во-первых, это в принципе неразрешимая задача. Во-вторых, ужесточение критериев сильно сократило бы количество действующих лиц. А это помешало бы главной задаче – поиску закономерностей, которые помогают любому индивидууму максимально полно реализоваться. В книге рассмотрены около 100 гениев, двадцати двум из них посвящены отдельные главы. Это именно русские опыты, потому что для такой работы требуется свободный доступ к источникам: мемуарам, биографиям великих, воспоминаниям о них современников. К тому же невозможно объять необъятное и прогуляться по всем эпохам и странам сразу. Я сосредоточилась на одной «вспышке гениев», имевшей место в России в девятнадцатом столетии. Некоторые из героев родились и воспитывались, когда эта вспышка была уже позади. Но в традициях, созданных именно в позапрошлом веке, поэтому я сочла возможным отнести их к той же «вспышке гениев».

Что такое эта «вспышка гениев»?

Это термин, введенный Владимиром Эфроимсоном в книге «Генетика гениальности». Одно из базовых понятий для ученого. Периоды и места в истории человечества, на которые пришлось намного больше

реализованных гениев, чем на другие времена и страны. Например, золотой век Афин эпохи Перикла, когда «за столом собирались гении мирового ранга: Анаксагор, Зенон, Протагор, Софокл, Сократ, Платон, Фидий». Период правления Карла Великого, эпоха Елизаветы в Англии, Ренессанс, время энциклопедистов, революции и наполеоновских войн во Франции, расцвет дворянской культуры в России девятнадцатого века. Владимир Эфроимсон считал, что в любые времена рождается одинаковое количество сверходаренных людей. Но только в период вспышки гениев их реализация достигает больших значений, хотя и тогда она не бывает полной. На основе этой теории Эфроимсон разработал систему подсчета частоты рождения гениев. И получил цифры: 1 на каждую 1000 младенцев. Конечный же результат за пределами вспышки гениальности лишь 1 на 10 миллионов населения – таково количество реализовавшихся гениев.

Можно ли считать эту книгу научным исследованием?

Это книга-путешествие по детству выдающихся людей. Она ни в коей мере не претендует на научность. Путешественник не ученый, удивляясь чему-то, обзаводясь личным мнением о новых местах, он не пытается выдать свои впечатления за научные открытия. Но, как правило, он постарается их систематизировать, как это сделала я. А еще добросовестный путешественник обязательно подготовится к долгой поездке. Для меня такой подготовкой стало знакомство с трудом Владимира Эфроимсона, выдающегося русского генетика. Многие из его ключевых понятий стали таковыми и для меня. Как уже упомянутая «вспышка гениев». Или «стимулирующая среда» – совокупность условий взросления, которые способствуют максимальной реализации одаренных людей и возникновению тех самых «вспышек гениев». Некоторые другие термины и понятия Владимира Эфроимсона будут использованы в тексте. Я полностью принимаю и вывод ученого: «Изучение биографий

и патографий гениев всех времен и народов приводит к неумолимому выводу: гениями рождаются... Если потенциальная гениальность отсутствует – делать нечего, великого не выйдет. Но есть и обратная сторона медали, заключающаяся в том, что не генетические, а биосоциальные и социобиологические тормоза приводят к тому, что реализуется лишь один гений из десятка тысяч потенциальных». Кстати, эти десятки тысяч рожденных, но не реализованных гениев очень сильно меня мотивировали в работе над книгой. Я все время представляла, какие огромные потери человечество несет прямо сейчас, когда я это пишу. И что, если так велик отсев среди сверходаренных людей, то что говорить об обычных людях, насколько не проявленным, не использованным остается их потенциал. И все это – из детства!

Почему нужно было привязываться к «вспышке гениев», выбирая героев для этой книги?

В любой период времени те или иные направления науки или искусства переживают подъем и являют миру выдающихся людей. Казалось бы, можно было найти гениев-современников или хотя бы не столь удаленных от нас по времени. Однако в случае таких локальных прорывов очень часто срабатывает накопительный эффект – они становятся результатом долгого поэтапного развития той или иной области знаний. Финальную точку ставят люди одаренные, но совсем не обязательно гении. В их избранности присутствует элемент удачи – они оказываются в нужный момент в нужном месте. Иное дело – гении в классическом понимании. Это одиночки, опережающие время, перепрыгивающие через несколько ступеней. Менделеев оставляет в периодической таблице места под химические элементы, которые только предстоит открыть. Сюжеты Достоевского становятся пророческими и сбываются в следующем столетии. Когда в одной стране в ограниченный период времени появляется много гениев, чьи прорывы не связаны так жестко с логикой

развития тех или иных сфер деятельности, это означает, что истоки их реализованной гениальности нужно искать в первую очередь в детстве, в культуре воспитания, сложившейся в то время. У нас больше шансов понять закономерности воспитания гениев, рассматривая уже достаточно отдаленную вспышку гениальности, нежели биографии выдающихся современников.

Есть ли в этой книге новые, неизвестные факты о детских годах гениев?

Я не работала в архивах, не собирала по крупицам информацию, ускользнувшую от биографов и исследователей. Я воспользовалась их трудами, все они перечислены в библиографии. Иначе эта книга никогда не была бы закончена. Я так же активно обращалась к первоисточникам, мемуарам и воспоминаниям, они тоже приведены в библиографии. Однако это далеко не всегда было возможно. Если, скажем, писатели обычно много и довольно подробно вспоминали свое детство, то научные гении подчас не оставили о начальном периоде своей жизни практически ничего. И кто-то до меня проделал огромный труд, отыскивая свидетельства и документы, относящиеся к их предкам, семьям, ранним годам. По некоторым выдающимся людям такая работа до сих пор не проведена. Если у кого-то возникнет вопрос, почему тот или иной гений не стал героем этой книги, то в большинстве случаев ответ будет таким: я не нашла подробной и интересной информации о его детстве. У иных гениев, напротив, много исследователей. В этом случае почти всегда обнаруживаются некоторые разногласия между ними и те или иные события трактуются по-разному. Таких спорных фактов я старалась избегать или использовать ту версию, к которой склоняется большинство биографов. Могу допустить, что в отдельных случаях право все-таки меньшинство и некоторая незначительная часть приведенных мною фактов может быть оспорена специалистами. Что до неизвестной

информации о детстве гениев, думаю, большинство читателей найдет ее в огромном количестве. Просто потому, что мы довольно плохо знаем прелюдии к жизни и творчеству выдающихся людей. В сжатых биографических справках они обычно умещаются в несколько формальных предложений. И есть еще эффект растиражированных фактов. Когда один или два эпизода из детства гения кочуют из текста в текст, становясь общим местом, а гораздо более яркие моменты остаются неизвестными. Надеюсь, эта книга отчасти поправит такое положение вещей.

Когда ждать следующей «вспышки гениев»?

У меня нет версии на этот счет. Может, она уже началась и мы узнаем об этом через десятилетие-другое. А может, не начнется в ближайшие лет сто. Более того, я не уверена, что стоит с нетерпением ждать такую вспышку. Как показывает история, вспышка гениальности – обычно финальный аккорд развития той или иной культуры, как это собственно и было в России в девятнадцатом веке. За ней приходит упадок и новый виток развития, который на пике дает людей, способных вложить в своих детей все достижения данной культуры – отцов и матерей гениев. Да, все начинается именно с них. Честно говоря, я не вижу сейчас такого мощного поколения матерей и отцов, как в России девятнадцатого века, хотя могу и ошибаться. В любом случае, вспышка гениев – исторический феномен. А вот максимальная реализация собственных детей – частное и очень важное для большинства дело.